

УДК 821.161.1

ТАТЬЯНА В ЖИЗНИ ОНЕГИНА. ЧАСТЬ I

Никишов Ю.М.

Близится (февраль 2025 года) 200 лет бытования в печати первой главы «Евгения Онегина». Не вдали и 200 лет существования романа в полном виде. Не счесть – столько толкований главных героев накопилось за это время. В ходу и отдельные оценки их устами самого поэта. Между тем целостный взгляд автора на героев в тени. Остаются незамеченными некоторые важные детали. Понять замысел поэта – достойная цель исследователя. Можно ли считать, что Татьяна вошла в жизнь Онегина? Можно, если видеть, что герой и героиня при первой встрече обменялись взаимными нежными взглядами. Можно, если учесть, что Онегин хранит практически ему ненужное письмо Татьяны. Можно, если в последующей своей жизни Онегин сумеет избавиться от своего эгоизма. Это способствовало бы и обновлению его общественной позиции.

Ключевые слова: Татьяна, Онегин, письма, взгляды, эгоизм, блаженство, вольность и покой.

TATIANA IN ONEGIN'S LIFE. PART I

Nikishov Y.M.

The 200th anniversary of the first chapter of “Eugene Onegin” publication is approaching (February 2025). 200 years of the novel’s existence in its entirety is not so far away. There are countless interpretations of the main characters accumulated during this time. There are also separate assessments of them from the poet himself. Meanwhile, the author’s holistic view of the characters is still in shadows. Some important details remain unnoticed. Understanding the poet’s intention is a worthy goal for a researcher. Is it possible to consider that Tatiana became a part of Onegin’s life? It is possible if you notice that the hero and heroine exchanged mutual tender glances at their first meeting. It is possible, given that Onegin keeps an almost unnecessary letter from Tatiana. It is possible if Onegin manages to get rid of his

egoism in his later life. This would also contribute to the renewal of his public position.

Keywords: Tatiana, Onegin, letters, glances, egoism, bliss, freedom and peace.

Татьяна – отнюдь не первая и далеко не единственная женщина Евгения Онегина, который дал роману в стихах Пушкина свое имя. Предыстория героя заслуживает отдельного рассмотрения, а историю, давшую основу сюжета романа, и составили отношения Татьяны и Евгения. Заканчивая роман, поэт вспоминает, как они когда-то явились к нему еще «в смутном сне»; после десяти лет работы он тепло простился и с героиней, и с героем, рассудив, что довольно бродил по свету одним путем с ними.

Но что интересного в выделяемой истории? Для понимания Татьяны постановка проблемы естественна: предпосылка любви возникла еще до встречи, поскольку героиня уподобила Онегина волновавшим ее героям прочитанных книг, так что она влюбилась на первой же мимолетной встрече. Не получив желанного ответа на свидании, она в тайне хранила эту любовь до самого конца повествования. Онегин чудит: отказывается от любви, когда ему ее предлагают, и домогается любви, когда она становится для него недостижимой...

Ну, схемой можно что угодно высушить. А приглядеться – бьет ключом живая жизнь, не легкая и не простая. Обнаружатся детали, на которые не обращали внимания, хотя роман в поле наблюдений без малого двести лет.

Задним числом в своем письме Онегин назовет первую встречу случайной. Такое восприятие возможно: ведь Онегин наносит визит к Лариным не ради знакомства с соседями, а сопровождает Ленского, чтобы из любопытства посмотреть на его невесту. А у нее оказывается есть сестра! Вряд ли Ленский, занятый одной Ольгой, упоминал Татьяну в беседах с Онегиным: в его сознании Татьяна не живет. Именно ее выделяет Онегин.

Упомянув в письме первую встречу, герой фиксирует деталь, которую пушкинисты не замечают: «Случайно вас когда-то встреть, / В вас искру

нежности замеча...» [2, с. 155]. Надо полагать, и Татьяна обратит внимание, что визитер на Ольгу глянул мельком, а на нее поглядывает. Его «чудный взгляд» ей снился, а тут представлен наяву! В первой встрече произошло удивительное **непроизвольное** объяснение героев – взглядами! И оно – взаимное, чего не удалось достигнуть в дальнейшем.

А искра нежности, которую заметил Онегин, – не природная, которая быстро гаснет, это метафора; эта не гаснет даже годы спустя.

Берем такой факт на заметку – иначе будет восприниматься беседа приятелей при их возвращении от Лариных.

Онегин задает странный вопрос: «Скажи, которая Татьяна?» [2, с. 50]. Тут возникает неожиданное имя; ожидаемое – Ольга (этого имени наслышался от Ленского) или Филлида (псевдоним ее, подвернувшийся Онегину): он же ее ездил посмотреть. И это при том, что Онегин уже вполне знает, кого как зовут; чуть позже он, не ошибаясь, рисует утрированный портрет именно Ольги. Так что фактически ему интересно не «которая», а **какова** Татьяна, однако он не хочет показывать Ленскому свой интерес. Но Ленский вопросом удивлен: «Да та...» (что означает равнодушие): нашел о ком спрашивать. Тут для Онегина информация нулевая. Приходится говорить прямо, но в условной форме: «Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт» [2, с. 50]. А он не поэт и в любви считается «инвалидом».

Эпизод выявляет в Онегине и неприятную черту его природы: способность свое раздражение по любому поводу срывать на ком попало. Тут Онегин раздражен: «Боюсь: брусничная вода / Мне не наделала б вреда» [2, с. 49]. (Похоже – не наделала, зря беспокоился). А в разделку попала Ольга: «Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне» [2, с. 50]. Из-за брусничной воды он пренебрегает выработанной благоразумной сдержанностью: в беседах с Ленским «Он охладительное слово / В устах старался удержать / И думал: глупо мне мешать / Его минутному блаженству...» [2, с. 37]. (На именинах Татьяны раздражение против друга и вовсе привело к катастрофе).

«Я выбрал бы другую», – признался Онегин в беседе с приятелем. А сам (без «бы») **выбрал** другую! Но оставляет это чувство умозрительным, без практического продолжения.

Для Татьяны «Онегина явление» – событие грандиозное. И ситуация усложняется: герой в доме Лариных более не появляется, ее чувство нарастает, а ему некуда выплеснуться. Психологический парадокс: в своих одиноких гуляниях Татьяна «наизусть» нашептывает письма ставших близкими книжных героинь – а мысль написать самой письмо своему кумиру приходит ей на ум внезапно, для нее неожиданно. А экспромтом написалось письмо, «где сердце говорит, / Где всё наруже, всё на воле...» [2, с. 150].

Пушкин не помечает, вспоминал ли Онегин Татьяну после встречи. Но это для простых читателей. Вьедливым читателям, какими надлежит быть исследователям, потребен весь круг источников. Поинтересуются черновиками. А там – целая опущенная строфа. Возвратясь от Лариных, Онегин Татьяне посвятил «дань вечерних размышлений», а проснулся с мыслями «всё о Татьяне»! И названо прямым словом: «Неужто я в нее влюблен?».

И тотчас решил
Соседок навещать исправно,
Как можно чаще – всякий день,
Ведь им досуг, а нам не лень [2, с. 437].

Но это намерение не исполнено. Почему? Понять Онегина нетрудно: герой поступил ответственно. Он мог не знать, что и одного визита было достаточно для того, что соседи стали прочить Татьяне жениха. Кто бы усомнился, какой шум в округе подняли бы частые визиты! Онегин усмотрел же «искру нежности» во взоре Татьяны! Частые визиты были бы уместны, если бы привели к венчанию. Вот об этот камень и споткнулся герой.

Онегину пришлось дать и прямой ответ о своих чувствах.
... получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний

В нем думы роем возмудил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылой;
И в сладостный, **безгрешный** сон
Душою погрузился он [2, с. 70].

Такому письму потребен только безоговорочный ответ. У Онегина возникает признание сдержанное: «Я вас люблю любовью брата / И, может быть, еще нежней» [2, с. 72]. Для Татьяны это даже не золотит его пилюлю. К тому же и робкое признание сопровождается убийственное «но».

Из объяснений Онегина его сдержанности Татьяне, вероятно, понятно лишь такое: «Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас...»
Остальное в тумане: я не намерен ограничить жизнь домашним кругом, я не тот, кого вы искали, «я не создан для блаженства» [2, с. 71]. Возможно, герой сам еще не знает внятную причину своей сдержанности – потому, что и у поэта еще **слово** не найдено.

Онегину дважды пришлось объяснять Татьяне свою оплошность, второй раз – в письме княгине. Письмо добавлено поздно – при подготовке восьмой главы к печати. Зато здесь четко: «Я думал: вольность и покой / Замена счастью» [2, с. 155]. Тут выделены соперничающие духовные ценности, устанавливается их иерархия. Татьяне такая истина открылась в кабинете Онегина в его опустевшей усадьбе. Тогда и героиня любовь, свою высшую ценность, опустила в тайники своей души, смирясь с тем, что ей остается – выполнение традиционного долга, надобность выходить замуж без любви; для этого достаточно, чтобы муж был «по сердцу».

Для нас тут может быть интересной такая ситуация. Высший этап духовных поисков Онегина приходится на деревню, а наиболее точное и глубокое осмысление сути обретений, выведение их на уровень мировоззренческой формулы сделано задним числом. Возможно ли для многократно читавших роман использование позднейшей формулы для

понимания «деревенского» Онегина, когда состояние им уже было обретено, но емкое слово для его определения еще не применялось?

Попробуем следовать примеру автора! Вот Онегин на первом визите к Татьяне-княгине пытается увидеть прежнюю Татьяну и не находит даже таких следов: «Упрямо смотрит он: она / Сидит покойна и вольна» [2, с. 151]. Пока в беловую рукопись еще не было вставлено письмо Онегина (было только упоминание о его письмах) строка читалась иначе: «Сидит небрежна и вольна». (Этот факт фиксируется С.Г. Бочаровым [1, сноска на с. 19]). Несомненно, что поправка внесена под влиянием формулы, включенной в текст письма. Но по ходу повествования Татьяна письма еще не получала. Поэт знает, что получит, и в свое описание перенес важную формулу раньше, чем она появится в сюжете. Живая жизнь! Движение в разных точках происходит одновременно, а одним разом обо всем не скажешь; повествование вытягивается в линию, в которой строго соблюсти фактическую последовательность частных эпизодов невозможно, в стихотворном повествовании особенно.

А что прибавляет к нашему пониманию пушкинского героя внесение онегинской формулы в его деревенскую жизнь, когда очерченное формулой состояние было реализовано, а определения ему в ту пору еще не нашлось? Такой прием разрушает устойчивую версию, что Онегин привез скуку из столицы, а уезжает, лишь усилив ее. Но в финале четвертой главы поэт рисует умиротворенное состояние героя – даже в осень, которую поэт, еще не полюбивший ее, называет «скучной порой». Чем занят? Размышляет над сложнейшими и важнейшими проблемами жизни! (Перечень тем, по которым велись споры с Ленским, дан в строфе XVI второй главы). Формула «вольность и покой» в эту пору дает вольности наибольший акцент общественно-политического содержания, что позволяет включить Онегина в широкий околосексбристский круг.

Почему Онегин ценит такой образ жизни, ставя его выше возможности счастливой любви? Для пояснения попробуем нарисовать такую розовую картинку: Онегин с Татьяной и Ленский с Ольгой свадебным поездом едут на

венчание, а потом что мешало бы Ленскому на той же тройке чалых лошадей приезжать с молодой женой. Сестры восстановили бы меж собой общий язык, а приятели попивали бы вино и вели свои умные разговоры. Но появится теща... Когда ее немного, Ларина – «милая старушка». Но теперь будет превалировать «проста». Холостой Онегин быстро отвадил соседей, семейному визитерам не миновать. Что остается от вольности и покоя?

Заметим: индивидуальная судьба не должна и не может восприниматься эталонной. Среди декабристов-каторжан было 22 женатых; заниматься политикой это им не препятствовало. К половине из них (!) отправились в холодную Сибирь 11 самоотверженных жен.

Еще один след былых обретений увидим, если найдем ответ на кажущийся простым вопрос: кому принадлежит автограф письма Татьяны?

Читаем в третьей главе: «Письмо Татьяны **предо мною**; / Его я свято берегу...» [2, с. 60]. Фиксация ясная? И противопоказано художественную деталь проверять на правдоподобие (тут – ломать голову над тем, чтобы понять, каким путем письмо, переданное герою, попало в руки поэта; никакого значения подобные поиски не имеют, а читательское впечатление портят). А вот в восьмой главе после встречи с Татьяной-княгиней в смятении размышляет Онегин: «Ужель та самая Татьяна, <...> Та, от которой **он** хранит / Письмо...» [2, с. 149-150].

Перед нами одно из самых ярких «противоречий», которые поэт видит, но исправлять не хочет. Художественные детали разноплановы. Большинство из них предназначено для сопоставления; улавливая опущенную связь между ними, читатель (исследователь) лучше понимает начертанное. А для романа в стихах потребны и такие детали, которые хороши каждая на своем месте. Сопоставлять их не нужно – столкновение разнородных предметов или состояний истину не поможет прояснить, а больше затуманит ее.

Утверждение третьей главы органично вписывается в поток авторских признаний в любви к героине. Помета восьмой главы помимо того, что

восстанавливает фактическое жизнеподобие, вносит важное уточнение в понимание отношения героя к Татьяне.

Мы отмечали, что посланием Тани «Онегин живо тронут был». Но письмо, а следом свидание не дали ожидаемого героиней результата; письмо утратило практическое значение. Когда Онегин, покидая усадьбу, отбирал вещи, которые необходимо было прихватить, письмо могло оказаться забытым, а вероятнее – отправлено в камин, но вот не сожжено, а хранится. Поскольку герой письмом дорожит, отношения с Татьяной – не просто промелькнувший, не зацепив чего-то важного, эпизод жизни, а событие этой жизни. Факт позволяет установить, что любовь Онегина к Татьяне-княгине – не вспышка на ровном месте, да еще и запоздавшая, а пламя, возгоревшее из искры взгляда героини, подхваченной при первой встрече и в памяти сохраненной героем.

В онегинском письме к Татьяне есть и такая деталь. Отмечая обстоятельства, вынудившие его покинуть деревню, Онегин заключает: «Ото всего, что **сердцу мило**, / Тогда я сердце оторвал» [2, с. 155]. Это признание наносит сильный удар по распространенной версии о бесконечной скуке героя в деревне. Напротив, оно удостоверяет наличие позитивных находок в его духовных поисках.

Деревенские обретения Онегина рухнули не путем разочарования в них, а в силу сложившихся обстоятельств. На дуэли он получил свою тяжелую рану. Она не физическая, а духовная, что отнюдь не легче. Разрушен его покой, а без него вольность оборачивается тягостной «постылой свободой».

В итоговой восьмой главе путешествию Онегина дается общая (нарочито сдержанная) оценка: «начал странствия **без цели**, / Доступный чувству одному; / И путешествия ему, / Как всё на свете надоели...» [2, с. 147]. А оно было основой сюжета первоначальной восьмой главы «Странствие»! Но выяснилось, что в последекабрьское время содержание главы оказалось слишком терпким. Тем не менее «легальные» «Отрывки из путешествия Онегина» поэт включил в печатный текст романа своеобразным приложением – даже после того, когда в итоговой восьмой главе поставил знак «Конец» и напечатал приложения.

Черновая рукопись главы сохранилась не полностью и все-таки дает представление о замысле поэта.

Человеку думающему утрата духовных ценностей катастрофична. Естественна попытка обрести новые ценности. Именно на такой (и весьма достойный) путь вступает Онегин. «Проснулся раз он патриотом!» [2, с. 466]. Так что в путешествие его повела цель, и цель великая. Он едет увидеть «святую Русь!» [2, с. 467]. Любая цензура одобрила бы такой выбор. Но у Пушкина явленное резко отличается от ожидаемого: в исторически памятных точках наблюдается духовное оскудение. Так что через три года Онегин возвращается в столицу не только не излечив духовную рану, но усугубив прежнее страдание отсутствия духовной опоры. Возврат к любви Татьяны – это поворот к ценностям, недавно отвергаемым.

Список литературы:

1. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 207 с.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Independent Researcher (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.